

дуалистическій характеръ центральной власти. Власть была одна, но носителемъ считался микадо, а осуществлялъ ее, какъ бы по уполномочію, шогунъ.

Вся детальная разработка основъ новаго строя принадлежитъ цѣликомъ Іеязу и сохранилась почти безъ измѣненія въ теченіе всего періода, пока шогунатъ находился въ наслѣдственномъ владѣніи его рода. Мы остановимся теперь на характеристикѣ этого строя, обеспечившаго Японіи миръ и возможность дальнѣйшаго культурнаго развитія и позволившаго ей накопить силы для слѣдующаго шага въ историческомъ развитіи — ограниченія центральной власти.

12.

Господство абсолютизма.—Политическій и экономическій строй.

XVII и XVIII вѣка въ Японіи очень часто называютъ временемъ расцвѣта феодализма. Это такъ же вѣрно, какъ если бы мы назвали эпохой исключительнаго господства феодализма тѣ же самыя вѣка во Франціи. Дѣйствительно, въ экономической области феодальныя отношенія продолжаютъ царить и накладывать по прежнему отпечатокъ на всѣ социальныя отношенія. Феодальныя путы, сковывающія населеніе, еще очень крѣпки и сильно мѣшаютъ свободному развитію хозяйственной жизни страны. Но политическій строй покоится уже совершенно на другихъ основахъ. Отъ прежней независимости

отдѣльныхъ владѣльцевъ не остается и слѣда. Въмѣсто того водворяется власть одного центрального правительства, подчиняющаго себѣ всю страну. Сначала эта центральная власть даетъ странѣ отдохнуть, а потомъ въ свою очередь подчиняетъ ее своему не менѣе тяжелому гнету.

Вся полнота правительственной власти и теперь, какъ во времена реформъ „таиква“, считается принадлежащей микадо. Микадо—единый неограниченный монархъ. Онъ сохраняетъ свое божественное происхожденіе и обладаетъ божественной абсолютной властью надъ всѣми подданными. Но онъ слишкомъ высокъ, чтобы непосредственно пользоваться своею властью для управленія людскими дѣлами. Поэтому онъ поручаетъ это управленіе, т.-е. довѣряетъ свою власть, своему уполномоченному—шогуну.

Этотъ хитрый силлогизмъ былъ изобрѣтенъ, конечно, шогунами, чтобы узурпировать всю власть микадо, оставаясь подъ охраною ихъ божественнаго происхожденія. Естественнымъ слѣдствіемъ этого разсужденія было то, что за микадо сохранился только декорумъ власти, вся же ея сущность перешла къ шогуну. Шогуны изъ рода Токугава прекрасно понимали, всѣ выгоды своего положенія и старались всячески укрѣпить его, обставляя всякой пышностью и всякимъ почетомъ микадо, и въ то же время лишая его всякой возможности имѣть непосредственныя сношенія со страной. Микадо жилъ въ Кіото, окруженный бле-

стоящимъ дворомъ, чины котораго (куге) считались выше всѣхъ остальныхъ правительственныхъ чиновниковъ и дайміосовъ и даже выше самого шогуна, но въ то же время не имѣли никакой реальной власти ни надъ чѣмъ. Кіото былъ высокой и заповѣдной страной. Ни одинъ дайміосъ, не говоря уже о другихъ, не могъ показываться туда, подъ страхомъ большого наказанія. Особа микадо была слишкомъ высока, и своимъ приближеніемъ простой смертный могъ оскорбить ее. Въ дѣйствительности, причиной этого запрещенія служить, конечно, боязнь, чтобы дайміосы не вошли въ сношенія съ микадо и не начали интриговать противъ шогуна.

Въ этомъ дуализмѣ власти, олицетворявшейся въ микадо, а осуществлявшейся шогуномъ, заключается главное отличіе японскаго абсолютизма, водворившагося въ началѣ XVII вѣка, отъ Европейскаго. Въ сущности, этотъ дуализмъ имѣлъ очень мало значенія, и о немъ вспомнили, какъ мы увидимъ, только тогда, когда пошатнулось положеніе самого абсолютизма. Въ первые два вѣка его существованія такой двухсторонній характеръ происхожденія власти не сказывался ни въ чемъ. На дѣлѣ власть была единая и сосредоточивалась она въ рукахъ шогуна. Микадо былъ только какъ бы его верховной санкціей. Всѣ же подданные и вся страна имѣли дѣло только съ шогуномъ.

Сфера непосредственнаго вліянія микадо ограничивалась Кіото, который былъ выдѣленъ и представлялъ совершенно особый придворный городъ.

Японцы.

Жена шогуна.

Шогунъ.

Но и то нѣкоторыя должности въ немъ замѣщались шогунѡмъ. Остальная страна вся находилась въ управленіи шогуна. При этомъ характеръ управленія нѣсколько отличался въ двухъ частяхъ страны, — въ тѣхъ областяхъ, которыя составляли раньше владѣнія рода Токугава, и теперь превратились въ нѣчто въ родѣ государственныхъ земель, — и въ бывшихъ владѣніяхъ независимыхъ дайміосовъ. Личные вассалы шогуна, считавшіеся прежде самураями, теперь были переименованы въ фудан-дайміосовъ и сравнены вообще въ правахъ съ остальными дайміосами. Центральное правительство (говоря о правительствѣ, мы будемъ теперь подразумѣвать исключительно правительство шогуна) состояло изъ самаго шогуна и нѣкотораго рода совѣта министровъ „горору“, состоявшаго изъ 5 членовъ и помогавшаго ему въ дѣлахъ общаго управленія страной. Все центральное управленіе шогуна въ цѣломъ называлось „бакуфу“.

При верховномъ совѣтѣ было еще особое отдѣленіе изъ шести членовъ, которые имѣли назначеніе надзирать за выполненіемъ всѣхъ вообще предписаній центральной власти, за дѣйствіями чиновниковъ и, главнымъ образомъ, за поведеніемъ дайміосовъ. Агенты этого центральнаго жандармскаго учрежденія были распространены по всей странѣ, они старались проникать всюду, даже въ семьи, надзирать за всѣмъ, даже за образомъ мыслей дайміосовъ, бывшихъ въ началѣ особенно опасными для правительства, и обо всемъ доносить шогуну.

Эта система шпіонства, чрезвычайно тщательно разработанная первыми шогунами, составляла одну изъ главныхъ опоръ ихъ власти. Посредствомъ своихъ шпіоновъ они могли узнавать о всякомъ зародышѣ неудовольствія и прекращать его раньше, чѣмъ оно могло развиваться. Этой остроумной системѣ они считали себя обязанными за то, что со времени водворенія ихъ рода, всякія смуты въ странѣ исчезли, и порядокъ ни разу серьезно не нарушался. Но, конечно, система эта могла поддерживать и дѣйствительно поддерживала порядокъ только до тѣхъ поръ, пока весь связанный съ ней государственный строй соотвѣтствовалъ реальнымъ потребностямъ страны, а какъ только въ странѣ развились новыя силы и новыя потребности, не вмѣщавшіяся въ данномъ государственномъ строѣ, такъ эта система самозащиты оказалась совершенно неспособной охранить его.

Второй опорой власти шогуновъ должна была служить централизованная бюрократія, въ рукахъ которой сосредоточилось постепенно все управленіе страны. На слѣдующей ступени послѣ государственнаго совѣта, имѣвшаго функціи общегосударственныя и, кромѣ того, представлявшаго высшую судебную власть, стояли нѣсколько министерскихъ коллегій или бугіосъ. Первоначально ихъ было три, въ послѣдствіи ихъ число увеличилось. Главныя изъ нихъ были—коллегія финансовъ, коллегія внутреннихъ дѣлъ или полиціи, коллегія городского управленія и коллегія церковныхъ дѣлъ. Позднѣе, къ

нимъ присоединилась еще коллегія иностранныхъ сношеній. Въ вѣдѣніи этихъ центральныхъ учреждений сосредоточивалась въ послѣднемъ итогѣ вся администрація страны, какъ той ея части, которая составляла бывшее феодальное владѣніе рода Токугава, такъ и остальной. Мѣстное управленіе въ той и другой частяхъ имѣло значительные пункты различія. Область, составлявшая такъ сказать государственную собственность и обнимавшая къ тому времени около половины страны, была раздѣлена на провинціи, каждая изъ которыхъ управлялась намѣстникомъ. Власть его была нѣсколько шире власти нашего губернатора, такъ какъ она носила не только административный, но и судебный характеръ. Около намѣстника стоялъ совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго управленія. Провинціи были раздѣлены на болѣе мелкіе участки, во главѣ управленія которыхъ стоялъ чиновникъ, называвшійся „даикванъ“. по типу ближе всего стоящій къ нашему земскому начальнику. Онъ совмѣщалъ въ себѣ и административныя, и судебныя, и даже нѣкоторыя хозяйственныя функціи. На немъ лежалъ сборъ податей, и онъ даже имѣлъ нѣкоторое вліяніе на установленіе ихъ, такъ какъ онъ же представлялъ необходимыя для того данныя центральной власти; онъ назначалъ низшихъ сельскихъ властей, онъ разбиралъ судебныя дѣла, однимъ словомъ, по тогдашней японской поговоркѣ „счастье и несчастье уѣзда зависятъ отъ даиквана“. Всѣ правительственные чиновники, начиная отъ членовъ верховнаго

совѣта и кончая даикваномъ, назначались исключительно изъ вассаловъ шогуна, высшіе изъ фудай-дайміосовъ, низшіе изъ простыхъ самураевъ.

Во главѣ каждаго отдѣльнаго селенія стоялъ назначенный даикваномъ и подчиненный ему старшина—нануши или шойя. Онъ слѣдилъ за порядкомъ, взималъ подати, велъ регистры населенія и судилъ за небольшіе проступки. Помощниками его были низшія сельскія власти, избираемые населеніемъ, въ родѣ нашихъ старостъ.

Каждое селеніе распадалось на нѣсколько группъ, не менѣе пяти семействъ въ каждой. Группы эти, куми или гуми, представляли нѣчто въ родѣ артелей, всѣ члены которыхъ обязаны были поддерживать и помогать другъ другу во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни, обрабатывать землю въ случаѣ болѣзни, сообща помогать на постройкахъ и т. п. Эти гуми очень напоминаютъ общины, организованныя во время реформъ танква съ тою только разницею, что тамъ и земля была въ общинномъ пользованіи, теперь же всякій домохозяинъ былъ собственникомъ своего участка. Всѣ домохозяева одной гуми избирали сообща одного представителя, который участвовалъ въ общемъ сходѣ всего селенія. Вообще извѣстными правами пользовались только отцы семействъ. Семья попрежнему составляла одну хозяйственную единицу, и сыновья, даже взрослые, не выдѣлялись до смерти отца. По смерти же его весь его участокъ долженъ былъ по закону переходить къ старшему сыну, младшіе же

сыновья должны были оставаться при немъ. Но жизнь, конечно, не допускала такого стѣсненія правъ личности, и законы противъ семейныхъ раздѣловъ съ увеличеніемъ населенія стали постоянно нарушаться. Во всякомъ случаѣ быть членами куми и участвовать въ сельскомъ управленіи могли только самостоятельные домохозяева. Сходъ, состоявшій изъ выборныхъ куми и собиравшійся подъ предѣтельствомъ нануши, рѣшалъ всѣ сельскія дѣла, распредѣлялъ натуральныя повинности, налагаемая даикваномъ и т. п.

Въ составъ членовъ сельской общины входилъ и мѣстный крупный землевладѣлецъ изъ бывшихъ самураевъ шогуну или вассаловъ отдѣльныхъ дайміосовъ. На земляхъ шогуну онъ былъ иногда подчиненъ даиквану, а иногда непосредственно намѣстнику, но ни въ какомъ случаѣ не старшинѣ. Эти бывшіе мелкіе вассалы, оставшіеся на землѣ и не превратившіеся въ воиновъ, составили классъ наиболѣе крупныхъ землевладѣльцевъ Японіи. При переворотѣ 1868 г. они не лишились своихъ правъ на землю, какъ дайміосы, и потомки ихъ до сихъ поръ остаются болѣе или менѣе крупными помѣщиками.

Положеніе сельскаго населенія на государственнхъ земляхъ было въ общемъ нѣсколько лучше, чѣмъ на земляхъ дайміосовъ. Подати взимались и тутъ громадныя, не менѣе 50⁰/₀ сбора, но шогуну все-таки обращали вниманіе на то, чтобы не разорить окончательно земледѣльческое населеніе, ко-

торое доставляло наибольшій доходъ государству. Такъ, въ XVIII в. по всей странѣ были устроены запасные магазины, изъ которыхъ въ случаѣ неурожая населенію продавался по умѣреннымъ цѣнамъ рисъ. Рядомъ съ этимъ стали издаваться законы, требующіе того же и отъ дайміосовъ.

На земляхъ, принадлежавшихъ дайміосамъ, управленіе сельскаго населенія было устроено такъ же, какъ и во владѣніяхъ шогуна. Отдѣльныя селенія распадались на такія же группы—гумми, и во главѣ ихъ тоже былъ старшина, сходъ и старосты. Только вмѣсто правительственныхъ чиновниковъ во главѣ мѣстнаго управленія стояли чиновники, назначенные дайміосомъ. И подати, еще болѣе высокія тутъ, уплачивались не шогуну и его чиновникамъ, а по прежнему дайміосу. Въ болѣе крупныхъ „ханахъ“,—какъ назывались ихъ владѣнія въ отличіе отъ провинцій „кеновъ“,—дайміосы являлись въ роли намѣстниковъ, въ болѣе мелкихъ они какъ бы замѣняли даиквана съ тою только разницей, что они были подчинены непосредственно шогуну, и отъ провинціальныхъ намѣстниковъ ни въ какомъ случаѣ не зависѣли.

Внутри своихъ хановъ они сохранили почти всѣ свои прежнія права, дѣлавшія ихъ гнетъ такимъ тяжелымъ для населенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ они пріобрѣли нѣкоторыя новыя обязанности, превратившія ихъ постепенно въ послушныя орудія центральной власти. Прежде всего на нихъ были возложены нѣкоторые обязательные налоги. Ради со-

храненія за ними виѣшняго вида независимости, эти налоги назывались „подарками“. Но подарки эти были обязательны, состояли частью изъ сырыхъ продуктовъ, частью изъ денегъ и дѣлались ежегодно въ опредѣленные сроки шогуну. Затѣмъ ежегодно дайміосы обязаны были являться въ Іедо лично, чтобы докладывать шогуну о положеніи дѣлъ въ ихъ владѣніяхъ. Со временемъ вошло въ обычай, а потомъ было укрѣплено закономъ, чтобы каждый дайміосъ имѣлъ въ Іедо собственный домъ и проводилъ въ немъ одинъ годъ изъ двухъ. Семьи же ихъ оставались въ Іедо на постоянное жительство, составляя какъ бы живой залогъ въ рукахъ шогуна. Въ случаѣ неповиновенія какого-нибудь дайміоса, шогунъ могъ захватить его семью. Наконецъ, право суда надъ дайміосами было очень расширено и окончательно подчинило ихъ шогуну. Теперь шогунъ разбиралъ не только ссоры между дайміосами, но и всякій проступокъ cadaго отдѣльнаго дайміоса. При этомъ онъ могъ налагать на него слѣдующія наказанія: 1) выполнение какихъ-нибудь исключительныхъ работъ, дорого стоящихъ построекъ и т. п., 2) передача своего владѣнія наслѣднику, 3) переводъ на другой менѣе доходный участокъ, 4) полное отнятіе участка и, наконецъ, 5) смертная казнь посредствомъ харакири и уничтоженіе самого рода провинившагося дайміоса.

Такимъ образомъ, шогунъ присвоилъ себѣ право переводить дайміосовъ изъ одного феода въ

другой и даже совсѣмъ лишать ихъ владѣнія земель. Положимъ, вначалѣ это разсматривалось какъ мѣра наказанія въ случаяхъ важныхъ преступленій. Но шогунъ очень скоро стали пользоваться этимъ въ политическихъ цѣляхъ, ссылая казавшихся имъ опасными дайміосовъ въ отдаленные участки или совсѣмъ лишая ихъ власти. Это право суда было страшнымъ оружіемъ въ рукахъ шогуна.

Послѣднимъ шагомъ въ смыслѣ подчиненія дайміоса шогунамъ было требованіе утвержденія въ правахъ наслѣдства каждаго новаго владѣльца феода. Сначала это было введено просто какъ формальность, какъ требованіе этикета. Новый владѣлецъ долженъ былъ въ знакъ почтенія представляться шогуну и при этомъ получалъ отъ него бумагу, удостоверяющую его права. Но постепенно этотъ обычай пріобрѣлъ совершенно реальное содержаніе, шогунъ присвоилъ себѣ право рѣшать по существу вопросъ объ утвержденіи или нѣтъ новаго владѣльца, слѣдовательно, онъ могъ по произволу не утвердить въ правахъ владѣнія неугоднаго ему наслѣдника.

Рядомъ съ этимъ дайміосы были обставлены множествомъ другихъ стѣснительныхъ требованій. Такъ, они должны были получать отъ шогуна разрѣшеніе на бракъ, на усыновленіе, на продажу части своей земли и т. п. Въ концѣ концовъ, по словамъ Токузы Фукуды, „несмотря на сохраненіе рыцарской внѣшности и рыцарскихъ пріемовъ дайміосы превратились изъ независимой

Дювня.

Придворные шогуна.

аристократіи, боровшейся съ центральнымъ правительствомъ, въ блестящую и ничтожную придворную знать, вращающуюся вокругъ одного солнца“¹. По большей части они даже не управляли лично своими владѣніями, а поручали это особымъ управляющимъ.

Наряду съ этими новыми обязанностями, ставшими прежняго феодала, въ сущности, въ положеніе такого же правительственного чиновника, какъ и намѣстникъ, дайміосы сохранили одну чрезвычайно важную привилегію — привилегію имѣть собственное войско, и самимъ приводить его по требованію шогуна. Но привилегія эта, которой дайміосы по традиціи очень дорожили, и которая въ послѣдствіи дѣйствительно сослужила имъ большую службу, оказывалась при данныхъ условіяхъ тяжелымъ бременемъ. Военныя столкновенія послѣ водворенія въ Іедо рода Токугавы прекратились совсѣмъ, а между тѣмъ содержаніе многочисленныхъ самураевъ стоило очень дорого. Изъ своихъ увеличивающихся доходовъ дайміосы должны были и платить государственныя подати подъ видомъ приношеній шогуну, и содержать свой значительный штатъ. Выдѣлять теперь участки своимъ самураямъ, совершенно оторвавшимся отъ земли за долгій періодъ непрестанныхъ войнъ, было не изъ чего и имъ приходилось платить постоянное жалованье, обыкновенно рисомъ. Однимъ словомъ,

¹ Tokuzo Fukuda, стр. 133

положеніе феодальной аристократіи во всѣхъ отношеніяхъ становилось все болѣе и болѣе труднымъ.

13.

Состояніе общества въ XVII в.

Дайміосы, фудай-дайміосы и самураи, — были ли они на государственной службѣ или нѣтъ, — считались принадлежащими къ высшему, благородному сословію, сословію имѣющему право носить мечъ.

Все вообще населеніе по новымъ законамъ раздѣлялось на четыре сословія: 1) благородные, носящіе мечъ, 2) земледѣльцы, 3) ремесленники и 4) купцы. Въ этихъ сословіяхъ стояли люди, занимающіеся профессіями, считавшимися неблагородными (актеры, танцовщицы) или нечистыми (живодеры, скорняки). Внутри эти сословія, подраздѣлялись еще на многочисленныя группы. Различныя подраздѣленія благороднаго сословія имѣвшія особыя наименованія, положительно неисчислимы. Сословія эти не носили такого безусловно замкнутаго характера, какъ индійскія касты, на примѣръ; переходъ изъ одного въ другое былъ возможенъ, хотя совершался, главнымъ образомъ, посредствомъ усыновленія. Но общимъ правиломъ во всякомъ случаѣ была наслѣдственность всѣхъ сословій и всѣхъ родовъ занятій.

Купцы и ремесленники стояли совершенно особнякомъ отъ первыхъ двухъ сословій. Они жили

въ городахъ и имѣли свою особую организацію и администрацію. Для управленія городами существовало даже специальное высшее правительственное учрежденіе. Ему были подвѣдомственны сначала только 16 городовъ, находившихся на земляхъ шогуна. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ былъ особый намѣстникъ по назначенію шогуна и при немъ совѣтъ изъ городскихъ старшинъ. Внутри города были раздѣлены на группы, сходныя по характеру съ сельскими куми. Но здѣсь эти куми не имѣли такого важнаго значенія, какъ въ деревняхъ, а съ теченіемъ времени, когда образовалась очень значительная разница между состояніями городскихъ жителей, эти организаціи мало-по-малу совершенно исчезли, между тѣмъ какъ въ деревняхъ онѣ сохранялись въ полной силѣ до самого переворота. Города, основанные на земляхъ дайміосовъ, управлялись или непосредственно ими, или ихъ уполномоченными, но внутренняя организація ихъ была та же, что и въ остальныхъ городахъ.

Жители городовъ къ этому времени уже всѣ занимались или ремеслами, или торговлей. И тѣ и другіе были организованы въ гильдіи, хотя прежнее драконовское законодательство, охранявшее гильдіи, было отмѣнено. Впрочемъ, и при отсутствіи законовъ, каравшихъ смертной казнью на занятіе ремесломъ внѣ гильдіи, фактически это оставалось невозможнымъ. Одиночка ремесленникъ не въ состояніи былъ бы конкурировать съ гильдіями, пользовавшимися значительными привилегіями. Регла-

менты гильдій были очень детально разработаны, и права и обязанности каждого члена опредѣлены самымъ тщательнымъ образомъ. Членами гильдій могли быть только домохозяева, т.-е. отцы семействъ или отдѣленные сыновья. Семья и здѣсь, какъ и въ земледѣльческомъ сословіи, считалась нерасторжимой единицей, и отдѣльные члены ея всегда занимались сообща одной и той же работой. Продолжать занятіе отца считалось обязательнымъ для сыновей, причемъ по смерти отца старшій сынъ, если онъ могъ представить доказательства своего искусства, обыкновенно принимался въ члены гильдіи.

Купеческія гильдіи были тоже обставлены самой детальной регламентировкой. Словомъ, вся жизнь горожанъ, не только ихъ права и обязанности въ отношеніи къ власти, но и ихъ хозяйственные отношенія, были разъ навсегда заключены въ опредѣленные рамки и закрѣплены закономъ.

Это стремленіе создать твердые незыблемые устои для жизни всего народа проникало собой всю дѣятельность первыхъ шогуновъ изъ рода Токугавы. Начавъ съ объединенія страны путемъ оружія, Іеязу, а потомъ и его преемники, особенно его внукъ Іемитсу, стремились всѣми силами упрочить это объединеніе и навсегда обезпечить миръ Японіи. Для этого недостаточно было создать пригодные органы управленія — централизованную и проникнутую полицейскимъ духомъ бюрократію, — надо было жизнь самого общества влить въ твердо

установленныя формы и возможно прочнѣе закрѣпить ее въ нихъ. Они понимали, или, быть можетъ, инстинктивно чувствовали, что только тогда все зданіе получить устойчивый фундаментъ и приметъ законченный видъ. Во всякомъ случаѣ они съ рѣдкимъ упорствомъ проводили эту мысль на практикѣ. Они твердо установили дѣленіе общества на сословія и поддерживали ихъ обособленность. Лишивъ высшее сословіе реальной власти, они въ то же время всячески поддерживали его внѣшній престижъ, увеличивали строгость этикета, особенно въ отношеніяхъ низшихъ сословій къ высшему. Этикетъ этотъ доведенъ былъ до мельчайшихъ деталей поведенія и обнималъ собою всю жизнь высшаго сословія. Прежніе рыцарскіе обычаи не только не были упразднены теперь, когда исчезла ихъ внутренняя сущность, но, напротивъ, были еще болѣе разработаны и закрѣплены. Отчасти, въ этомъ сказывалась, быть можетъ, сила традиціи, благодаря которой бытовыя формы часто переживаютъ сущность соціальныхъ отношеній, отчасти же — дальновидная мысль законодателя, желавшаго закрѣпить данныя формы общественныхъ отношеній, закрѣпостить самое общество.

Подавляющая масса сложныхъ требованій этикета, поражающихъ въ Японіи и теперь, ведетъ свое начало съ той эпохи. Тысячи поклоновъ, условныхъ жестовъ, трафаретныхъ улыбокъ должны были сопровождать всякую встрѣчу между людьми, особенно встрѣчу низшаго съ высшимъ. Это по-

стоянно напоминало о разницѣ происхожденія и подчеркивало сословную обособленность. Къ этому же вели и „законы о роскоши“, запрещавшіе низшимъ классамъ окружать себя такою же роскошью, какъ представители благороднаго сословія.

Установленныя закономъ торговыя и ремесленныя гильдіи, строго соблюдаемая наслѣдственность всѣхъ видовъ занятій и, наконецъ, почти полная нерасторжимость семейныхъ узъ — все это проводило еще далѣе принципъ обособленія разныхъ группъ населенія и неизмѣняемости соціальныхъ отношеній. Всякому человѣку указано было разъ навсегда его мѣсто въ обществѣ, ему нечего было опасаться потерять его, но нечего и надѣяться измѣнить. Жизнь влита была въ строго опредѣленное русло, а администрація и полиція слѣдили за тѣмъ, чтобы она гдѣ-нибудь не начала подмывать плотины.

Все это не было, конечно, достигнуто сразу, пощучьему велѣнію, вся первая половина XVII вѣка была заполнена этимъ стремленіемъ со стороны правительства закрѣпить общество, чтобы такимъ образомъ убить въ зародышъ самую возможность волненій, безпорядковъ и тѣмъ болѣе вооруженныхъ столкновеній внутри страны. Но во всякомъ случаѣ направленіе, въ которомъ должна была развиваться дѣятельность правительства, было дано еще Іеязу.

Самыя формы административнаго механизма Іеязу, — также какъ и законодатели реформъ

таиква, — заимствовали въ значительной степени изъ Китая. Но тогда какъ въ ту эпоху мысль законодателя шла въ разрѣзъ съ социальными тенденціями того момента, въ данное время она, наоборотъ, вполне отвѣчала назрѣвшимъ потребностямъ въ спокойствіи и развитіи мирной культуры. Поэтому реформа таиква потерпѣла крушеніе, а реформы Іеязу создали строй, просуществовавшій 2¹/₂ в.

Заимствовавъ изъ Китая структуру административнаго механизма, Іеязу оттуда же привлекъ и высшую санкцію проектированнаго имъ незыблемаго строя. Этой санкціей долженъ былъ служить конфуціаниззмъ. Трудно найти морально-философскую теорію, которая болѣе соответствовала бы идеалу устойчиваго и неподвижнаго социальнo-политическаго строя. Душа конфуціанства — консерватизмъ. Вся его мораль зиждется на послушаніи и вѣрности: вѣрности установленнымъ отношеніямъ и послушаніи младшихъ и по возрасту, и по социальному положенію — старшимъ. Понятіе грѣха сливается съ понятіемъ проступка или преступленія.

Это смѣшеніе понятій цѣликомъ отразилось на законодательствѣ Іеязу и на оставленномъ имъ въ назиданіе потомкамъ „Завѣщаніи“. Недостатокъ добродѣтели часто карается тамъ уголовнымъ порядкомъ, а нарушеніе закона разсматривается, какъ грѣхъ. Такой взглядъ, конечно, очень способствовалъ упроченію установленнаго строя, также какъ и покорность, положенная въ основу нравственности.

Полное соотвѣтствіе конфуціанства новому порядку, водворившемуся въ Японіи съ начала XVII вѣка, породило даже мнѣніе, что самый этотъ порядокъ возникъ именно благодаря ему. Но съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться уже по одному тому, что ученіе Конфуція было извѣстно въ Японіи со времени первыхъ сношеній ея съ Китаемъ, и тѣмъ не менѣе въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія оно оставалось только въ области морали, не оказывая вліянія на политику. Несомнѣнно только то, что Іеязу, дѣйствительно, оказывалъ активное покровительство китайской литературѣ вообще и конфуціанской философіи въ частности. Китайскій языкъ сталъ обязательнымъ въ школахъ, занятія китайской литературой всячески поощрялись. Съ этого времени китайскія вліянія окончательно торжествуютъ, въ японской школѣ и въ японской наукѣ до тѣхъ поръ, пока противъ нихъ не поднимается сознательная идейная борьба.

Іеязу и его первые преемники могли съ полнымъ правомъ считать, что цѣль ихъ достигнута. Японія представляла теперь единое государство, въ которомъ вмѣсто прежнихъ раздоровъ водворился миръ и порядокъ. Страна отдыхала. И благіе результаты этого не замедлили сказаться. Культура быстро двинулась впередъ. Зброшенные поля снова начали воздѣлываться, города отстраивались, торговля и промышленность, избавленные отъ вѣчныхъ опасеній, широко развивались.

Духовная жизнь тоже испытала на себѣ вліяніе

болѣе благоприятныхъ условій. Въ городахъ стали основываться школы, частныя и правительственныя, главнымъ образомъ, для самураевъ, и даже библіотеки. Типографское искусство, извѣстное въ Японіи еще ранѣе изъ Китая, только теперь получило широкое примѣненіе, благодаря устроенной Іеязу казенной типографіи. Китайскіе классики были переведены на японскій языкъ и изданы по приказанію Іеязу. Покровительствуя наукъ вообще, онъ первый обратилъ вниманіе на японскія древности, — приказывалъ разыскивать и сохранять древнія лѣтописи и другіе документы, имѣющіе историческую цѣнность, и даже основалъ специальное учрежденіе, занимавшееся переписываніемъ старинныхъ рукописей и архивовъ отдѣльныхъ дайміосовъ. Благодаря этому стало возможно серьезное изученіе исторіи. Въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка по почину дайміоса области Мито группа японскихъ ученыхъ приступила къ составленію первой подробной японской исторіи, написанной по-китайски и законченной только къ концу XVII вѣка. Изслѣдованіе это составило 243 тома.

Въ 1625 году появилось и другое извѣстное историческое сочиненіе, называвшееся „Таико“ и описывавшее время господства Хидейоши. Оно состояло изъ 11 томовъ и было написано на японскомъ языкѣ. Рядомъ съ историческими сочиненіями стали появляться и самостоятельные ученые труды по другимъ областямъ. При этомъ другія отрасли науки находились въ это время подъ еще

болѣе сильнымъ вліяніемъ Китая, чѣмъ исторія. Медицинскія сочиненія такъ же, какъ и философскіе трактаты, носили на себѣ явный отпечатокъ китайщины и конфуціанства. Но тѣмъ не менѣе на почвѣ этого чужеземнаго вліянія выросали и собственные теоріи, нѣкоторые японскіе ученые того времени пользовались широкой извѣстностью въ своей странѣ и основали даже собственные школы.

Разные виды искусства и изящная литература тоже достигли въ эту эпоху высшаго процвѣтанія. Живопись, развивавшаяся въ первые вѣка послѣ распространенія буддизма, главнымъ образомъ, около буддійскихъ монастырей и носившая по преимуществу религіозный характеръ, пережила въ концѣ XV и въ XVI вѣкѣ эпоху секуляризаціи и приняла болѣе близкій къ жизни характеръ. Въ XVII вѣкѣ появляется цѣлая плеяда японскихъ художниковъ, среди которыхъ есть имена, не потерявшія и до сихъ поръ значенія для живописи не только въ Японіи, но и въ Европѣ. Рядомъ съ этимъ въ этотъ же періодъ достигаютъ высшаго совершенства и знаменитыя японскія изящныя ремесла — выжиганье по дереву, лакировка, рисованіе по фарфору и т. п.

Для художественной литературы XVII вѣкъ тоже не прошелъ безслѣдно. Но тогда какъ наука въ эту эпоху испытала сильное вліяніе китаизма и вслѣдствіе этого осталась совершенно недоступной для широкихъ круговъ населенія, литература, наоборотъ, сильно популяризовалась. Благодаря боль-

шей безопасности жизни и относительно большому благосостоянію, наступившему вслѣдъ за водвореніемъ Токугавы, потребность въ чтеніи, въ книгѣ страшно возросла и распространилась. Въ предыдущіе вѣка роскошь книги могли позволить себѣ только могущественные феодалы или придворные, обеспеченные и болѣе или менѣе огражденные отъ опасностей въ своихъ замкахъ, и еще монахи въ буддійскихъ монастыряхъ. Вслѣдствіе этого и литература носила или духовный, или утонченно-свѣтскій характеръ. Произведенія рыцарской эпохи, не особенно многочисленныя по количеству, достигали иногда высокой степени совершенства по формѣ. Теперь рядомъ съ феодальной аристократіей явился другой читатель, несравненно менѣе утонченный во вкусахъ, но зато гораздо болѣе многочисленный—горожанинъ. И въ отвѣтъ на это широкой волной хлынула новая литература, болѣе грубая, но отвѣчающая многообразнымъ запросамъ новаго читателя, его настоящей потребности въ духовной пищѣ. къ этому времени относится возникновеніе многихъ новыхъ видовъ литературы: популярныя драмы, историческіе романы, рассказы изъ народной жизни, комическія пѣсенки и легкія юмористическія сценки, въ родѣ водевилей.

14.

Разложеніе абсолютизма. — Экономическія затрудненія.

Въ теченіе XVII вѣка и матеріальная и духовная культура Японіи сразу сдѣлали большіе успѣхи.

Послѣ долгаго періода безплодныхъ войнъ и умственного застоя во всѣхъ отрасляхъ жизни шла усиленная работа. И всѣмъ этимъ страна была обязана относительному порядку и благоустройству, водворившемуся въ ней вмѣстѣ съ династіей Токугавъ. Для даннаго времени централизованная монархія, заступившая мѣсто феодальной анархіи, была выгодна для страны. Но была одна черта въ новомъ строѣ, благодаря которой значеніе его для страны со временемъ стало мѣняться, и мѣняться настолько, что положительныя его стороны превратились въ отрицательныя, и вмѣсто несомнѣнной пользы онъ сталъ приносить явный вредъ. Черта эта — его косность, именно то, что въ глазахъ его основателей придавало ему главную цѣну.

Когда строй этотъ только созидался, онъ отвѣчалъ потребностямъ страны, онъ далъ возможность развиваться ея естественнымъ силамъ. Но когда эти силы развились до нѣкотораго предѣла, онъ въ немъ же встрѣтили препятствіе, мѣшавшее ихъ дальнѣйшему росту.

Прежде всего это явленіе сказалось въ экономической области. Формы экономическихъ отношеній, закрѣпленные даннымъ строемъ, сначала вполне удовлетворяли существовавшимъ потребностямъ, но потомъ, съ развитіемъ самихъ потребностей, тѣ же самыя формы оказались стѣснительными. А между тѣмъ, какъ и все въ этомъ строѣ, онъ отличался совершенной косностью, нерастяжимостью. Всѣ тѣ успѣхи, которые могутъ быть сдѣланы въ рамкахъ

натурального хозяйства, были уже достигнуты, а естественный переходъ къ денежному хозяйству не могъ совершиться на почвѣ даннаго строя. Получился заколдованный кругъ, изъ котораго страна не могла выбиться, не разбивъ связывавшихъ ее путъ.

Земледѣльческое населеніе, оправившееся и отдохнувшее послѣ водворенія мира, стало быстро расти. Между тѣмъ, изъ той же земли, при тѣхъ же пріемахъ хозяйства нельзя было извлечь больше. Въ то же время даймюсы, обремененные всевозможными обязательными расходами, старались всячески увеличить обложеніе, такъ что мѣстами оно доходило до невѣроятной высоты. Были мѣстности, гдѣ земледѣлецъ долженъ былъ выплачивать владѣльцу 80⁰/₀ сбора. Приходилось забирать подъ обработку неудобныя земли, а на нихъ трудъ земледѣльца иногда пропадалъ почти даромъ. Происходили неурожаи, еще больше подрывавшіе народное хозяйство. Между тѣмъ, улучшить технику, завести болѣе выгодныя культуры, напримѣръ, чайныя или шелковичныя плантаціи, и тѣмъ увеличить производительность той же земли, было невозможно. Не только у земледѣльческаго населенія, но даже у самихъ даймюсовъ, для которыхъ это тоже было бы выгодно, не хватало на это денегъ. Слѣдствіемъ этого было почти повсемѣстное разореніе сельскаго населенія и въ зависимости отъ этого обѣднѣніе всей страны.

Въ области обрабатывающей промышленности

шелъ подобный же процессъ. Ремесленная форма производства достигла полного расцвѣта и уже дальше не могла удовлетворять назрѣвшимъ потребностямъ. Окаменѣвшія формы гильдій, охраняемыхъ всевозможными исключительными законами, не давали никакого простора частной инициативѣ, мѣшали введенію техническихъ усовершенствованій, расширенію производства. Гильдіи, достигшія высшаго расцвѣта къ концу XVIII вѣка, начали клониться къ упадку. Онѣ не могли конкурировать съ проникавшими въ страну, несмотря на всѣ запрещенія, европейскими и американскими товарами, онѣ не могли удешевить своего производства. Въ то же время дайміосы и правительственные чиновники старались тянуть съ нихъ возможно больше, а разоренное населеніе представляло собой плохого покупателя. На эти затрудненія гильдіи могли отвѣчать только однимъ — требованіемъ и отъ дайміосовъ, и отъ правительства все большихъ привилегій, все большей защиты своего монопольнаго характера. Весь восемнадцатый вѣкъ наполненъ настойчивыми петиціями гильдій, просившихъ разныхъ льготъ,—главнымъ образомъ, запрещенія частнымъ лицамъ заниматься тѣми же производствами и наивозможно болѣе высокихъ пошлинъ на ввозимые изъ Китая и Кореи товары. Этимъ онѣ могли, по крайней мѣрѣ, охранить себя отъ конкуренціи, и, если не понизить стоимости производства, то, по крайней мѣрѣ, держать въ своихъ рукахъ цѣны на товары и произвольно повышать ихъ. Прави-

тельство и даймоусы, въ значительной степени зависѣвшіе отъ нихъ, — такъ какъ налоги съ нихъ служили главнымъ источникомъ доходовъ, — не имѣли возможности отказывать имъ. Издавались законы, строго каравшіе за занятіе разными ремеслами лицъ, не принадлежавшихъ къ гильдіямъ, а на иностранные товары налагались почти запретительныя пошлины. Ввозившіяся изъ Китая шелковыя ткани, напримѣръ, облагались такими таможенными пошлинами, что онѣ должны были продаваться на 200 — 300⁰/₀ дороже своей нормальной цѣны. Конечно онѣ такъ же, какъ другіе предметы роскоши, могли покупаться только исключительно богатыми людьми и то въ рѣдкихъ случаяхъ и не могли составить конкуренціи гильдіямъ. Предметы же общаго потребленія почти совершенно не могли ввостись изъ Китая въ это время. Торговля европейскими товарами, происходившая черезъ посредство голландцевъ въ Дешимъ, была поставлена въ еще болѣе стѣснительныя условія. Вся она находилась въ рукахъ одной Нагасакской гильдіи. Помимо нея никто не могъ непосредственно покупать товары у голландскихъ купцовъ. Нагасакская гильдія скупала ихъ всѣ и потомъ уже по собственному произволу назначала цѣны.

Такимъ образомъ, гильдейское законодательство, вмѣсто того, чтобы, уступая требованіямъ времени, ослабѣвать, крѣпло еще болѣе. А отъ этого страдало и населеніе, такъ какъ цѣны на всѣ товары страшно росли, и вся страна, такъ какъ ея произ-

водительныя силы не имѣли выхода — свободныя руки не находили работы, и естественныя богатства не эксплуатировались. Словомъ, страна опять остановилась въ своемъ развитіи: она не только не богатѣла, но даже стала бѣднѣть.

И отдѣльные дайміосы, и правительство испытывали постоянный недостатокъ денегъ, но въ своихъ поискахъ за ними только еще ухудшали и безъ того трудное экономическое положеніе. Съ одной стороны, чтобы пользоваться доходами съ гильдій, они увеличивали ихъ привилегіи и тѣмъ убивали возможность дальнѣйшаго промышленнаго развитія страны. Съ другой—когда доходовъ все-таки оказывалось недостаточно, они пробовали непосредственно увеличить количество денегъ.

Уже съ половины XVIII вѣка شوгуны, испытывая постоянныя финансовыя затрудненія, начинаютъ прибѣгать къ такимъ же финансовымъ опытамъ, какіе продѣлывались около этого времени и въ Европѣ. Они начинаютъ произвольно выпускать значительныя количества бумажныхъ денегъ и такимъ путемъ увеличивать количество денежных знаковъ, не обезпеченныхъ имѣющимся у государства золотомъ. Впрочемъ, въ то же самое время среди японскихъ ученыхъ возникаетъ экономическая школа, сильно возстающая противъ этого. Самый видный изъ этихъ ученыхъ, извѣстный японскій экономистъ XVIII вѣка, Араи-Куми, въ своихъ трудахъ по экономическимъ и финансовымъ вопросамъ упорно доказывалъ, что денежные знаки не

представляют собой богатства, и что въ концѣ концовъ обиліе ихъ приведетъ къ обезцѣненію ихъ, къ еще большему уменьшенію полноцѣнныхъ денегъ и къ еще большимъ экономическимъ неурядицамъ. По его выраженію, „худыя деньги прогоняютъ хорошія“. Дѣйствительность вполнѣ оправдала его предсказанія. Бумажныя деньги быстро наводнили страну, на югѣ, напримѣръ, одно время обращались почти исключительно бумажки, потомъ онѣ стали страшно падать, вызывая громадныя экономическія затрудненія, такъ что въ концѣ концовъ пришлось отмѣнить закономъ эту неудачную финансовую мѣру. Араи - Куми былъ призванъ управлять финансовымъ вѣдомствомъ, и на время снова было восстановлено правильное денежное обращеніе. Но потомъ новыя финансовыя затрудненія заставили забыть первый урокъ и снова стали повторяться попытки поправить финансовыя дѣла, надѣлавъ побольше денежныхъ знаковъ. Хуже всего то, что подобные опыты производились не только центральнымъ правительствомъ, но даже отдѣльными наиболѣе крупными дайміосами, сохранившими отъ прежнихъ временъ право чеканки монеты. Это, конечно, еще больше увеличивало экономическую неурядицу; такъ, въ разныхъ мѣстахъ стали обращаться разныя деньги, имѣвшія разную цѣнность. Правительство видѣло это зло, но не въ силахъ было помѣшать ему.

Вообще по мѣрѣ осложненія экономическаго положенія страны и ухудшенія государственныхъ

финансовъ положеніе правительства стало постепенно расшатываться. Явилось слишкомъ много недовольныхъ элементовъ, съ которыми ему трудно было справиться. Дѣйствительно, почти всѣ слои общества имѣли теперь причины для неудовольствія. Самую реальную причину имѣло, конечно, сельское населеніе, несшее на себѣ страшный экономическій гнетъ. Земли у него было мало, на его шеѣ сидѣли непроизводительные классы — дайміосы и самураи, съ него же тянуло и государство. Кромѣ того, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка Японію постигъ цѣлый рядъ неурожаявъ, а съ 1833 года они стали почти хроническими. Сельское населеніе отвѣчало на это глухимъ ропотомъ и частичными возмущеніями. Въ началѣ XIX вѣка въ разныхъ концахъ имперіи начали вспыхивать крестьянскіе бунты. Но, конечно, это были чисто стихійныя вспышки, не направленныя ни къ какой сознательной общей цѣли, и поэтому затушить ихъ вздрѣбъ не представляло особенной трудности. И крупные дайміосы, если это происходило на ихъ земляхъ, и правительство безъ труда усмиряли взбунтовавшуюся рабочую силу, и пулями внушали ей уваженіе къ законному порядку.

Нѣсколько труднѣе было справиться съ горожанами. Они были и сознательнѣе, и богаче земледѣльцевъ и потому представляли элементъ, съ которымъ надо было обращаться болѣе осторожно и бережно. Мы уже видѣли, что торговое и промышленное населеніе городовъ, организованное въ

гильдіи, часто вступало даже въ торгъ съ правительствомъ и урывало у него значительныя льготы. Правительство волей-неволей шло на такія сдѣлки, — невыгодныя, конечно, для страны, — такъ какъ оно чувствовало свою зависимость отъ разбогатѣвшихъ горожанъ. Этимъ путемъ, оно, съ одной стороны, пользовалось доходами съ гильдій, а съ другой — обезпечивало себѣ ихъ молчаливую поддержку.

Но рядомъ съ гильдіями въ городахъ начинать возникать еще слой населенія, не находившій въ данномъ обществѣ никакого приложенія для своихъ силъ. Слой этотъ образовался изъ различныхъ элементовъ, оказавшихся, такъ сказать, за штатомъ, благодаря черезчуръ уже неподвижнымъ, негибкимъ формамъ соціальныхъ отношеній. Прежде всего тутъ были младшіе сыновья ремесленниковъ и торговцевъ, не получившихъ доступа въ гильдіи и промышлявшихъ самыми разнообразными способами, въ качествѣ мелкихъ торговцевъ, разносчиковъ или фокусниковъ, актеровъ и т. п. Постепенно и изъ деревни стали выдѣляться люди, присоединявшіеся къ нимъ же. Земля уже не въ силахъ была прокормить всего живущаго на ней населенія, и часть его, по большей части тоже младшіе сыновья, не получавшіе доли въ отцовскомъ наслѣдїи, уходила искать заработка на сторону. Пробавлялись они какой-нибудь тяжелой ручной работой, постоянного заработка въ большинствѣ случаевъ не имѣли и представляли, вмѣстѣ съ первыми, низшій слой городского населенія, тоже недовольный

своимъ положеніемъ, но тоже мало сознательный и ничѣмъ не объединенный и поэтому болѣе опасный для общественной тишины и спокойствія, чѣмъ для государственнаго порядка. Въ случаяхъ возникавшихъ волненій, которыя съ начала XIX вѣка опять стали вспыхивать то тутъ, то тамъ, они представляли готовый элементъ для беспорядковъ, но самъ по себѣ этотъ городской пролетаріатъ не составлялъ въ то время силы.

15.

Отношеніе высшаго сословія къ правительству.

Несравненно болѣе сильно и болѣе сознательно въ массѣ было въ ту эпоху высшее сословіе. Но оно тоже очень дифференцировалось къ этому времени. Чтобы яснѣе представить себѣ ходъ дальнѣйшихъ событій, намъ придется нѣсколько подробнѣе остановиться на отношеніи къ правительству различныхъ группъ, на которыя оно распалось.

Высшій слой привилегированнаго сословія состоялъ изъ бывшихъ независимыхъ феодаловъ-дайміосовъ, оставшихся и при новомъ строѣ во главѣ своихъ владѣній, и изъ бывшихъ личныхъ вассаловъ шогуна — фудай-дайміосовъ.

Все первое время правленія шогуновъ изъ рода Токугавы было, какъ мы видѣли, наполнено борьбой съ независимыми дайміосами сначала съ помощью оружія, потомъ путемъ законодательства. Къ концу XVII вѣка сопротивленіе дайміосовъ было

сломлено. Изъ „перваго — между равными“, какимъ былъ вначалѣ шогунъ, онъ превратился въ полновластнаго монарха, обращавагося съ дайміосами, какъ со своими подданными. Его безчисленные шпионы, разсыянные по всей странѣ, слѣдили за малѣйшими проявленіями недовольства и доносили ему обо всемъ, и страшное наказаніе — перемѣна дѣдовскаго владѣнія на какой-нибудь отдаленный участокъ или даже смертная казнь и уничтоженіе самой фамиліи провинившагося — не заставляло себя ждать. И власть, и сила были въ рукахъ шогуна, и онъ широко пользовался ими. А дайміосы смирялись. Смирялись, но, конечно, не забывали ни своей прежней силы, ни своего прежняго значенія. Шогунъ въ ихъ глазахъ олицетворялъ собою паденіе ихъ прежняго могущества, и, подчиняясь ему поневолѣ, они ненавидѣли его. Онъ въ ихъ глазахъ былъ узурпаторомъ, силою отнявшимъ власть, принадлежавшую прежде имъ, и еще притомъ отнявшимъ ее даже не на законномъ основаніи. Шогунъ вѣдь не былъ государь, онъ былъ только первый министръ, а между тѣмъ онъ пользовался всѣми правами верховной власти. Быть можетъ, микадо, еслибы онъ держалъ въ своихъ рукахъ управленіе страной, не довелъ бы до такой степени подчиненіе знати.

Испытывая на себѣ постоянный тяжелый гнетъ, исходившій непосредственно отъ шогуна, дайміосы забывали, что шогунъ опасенъ для нихъ, именно, какъ представитель центральной власти, и что если

бы правительственная власть не передовѣрялась шогуноу, а находилась непосредственно въ рукахъ микадо, положеніе отъ этого нисколько не измѣнилось бы. Разница была бы только въ томъ, что тогда правитель, боровшійся съ ними, назывался бы микадо, а теперь онъ назывался шогунъ. Но во всякомъ случаѣ такъ, какъ исторически создавалось положеніе, носителемъ центральной власти былъ шогунъ, а микадо стоялъ гдѣ-то въ сторонѣ, какъ какая-то невѣдомая, быть можетъ, и благотворительная сила.

Пока центральное правительство въ лицѣ шогуна было сильно, до тѣхъ поръ эти мысли, если они и бродили въ чьихъ-нибудь головахъ, на дѣлѣ не проявлялись. Но когда финансовое положеніе правительства пошатнулось, когда его реальная сила, опиравшаяся на благосостояніе страны, стала убывать,—а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всегда это бываетъ, и сами носители власти стали мельчать и вырождаться, теряя личный авторитетъ,—тогда эта затаенная ненависть начала выбиваться наружу и стало оживать заглушенное стремленіе къ независимости. Послѣдніе ничтожные шогуны уже не осмѣливались, какъ прежде, круто расправляться съ дайміосами, опасаясь, что въ случаѣ открытаго возмущенія, они не въ состояніи будутъ тотчасъ же подавить его. Дайміосы чувствовали это и пользовались. Начиная обратный процессъ. Они снова прочнѣе осядали въ своихъ владѣніяхъ, безконтрольнѣе пользовались властью надъ населеніемъ, заводили

подъ рукой запрещенныя сношенія съ иностранными купцами, начавшими опять появляться у береговъ Японіи, и втайнѣ мечтали свергнуть ненавистное иго شوгуна и опять стать независимыми. Но, конечно, они понимали, что страна не можетъ распасться на рядъ совершенно обособленныхъ владѣній, беззащитныхъ въ виду сильныхъ сосѣдей. Какое-нибудь единство было необходимо. Оно въ ихъ глазахъ олицетворялось въ образѣ далекаго отъ міра микадо, который всѣхъ объединить, но никого не подавить. Поэтому, укрѣпляясь въ своихъ владѣніяхъ, дайміосы въ то же время пробуютъ тайно заводить сношенія съ забытымъ дворомъ въ Кіото. Уже съ конца XVIII вѣка начинаются, несмотря на строгія запрещенія шогуна, попытки наиболѣе крупныхъ дайміосовъ войти въ непосредственное общеніе съ микадо. Шогунъ всѣми силами борется противъ этого, повторяетъ запрещенія осквернять священную землю Кіото, гдѣ можетъ, налагаетъ наказанія, но ничто не помогаетъ. Между дайміосами и Кіото ѣздятъ гонцы, а порой и сами болѣе рѣшительные дайміосы отваживаются вступать на священную землю, гдѣ ихъ присутствіе, конечно, никого не оскорбляетъ.

Микадо, давно отрѣшившійся отъ дѣлъ и отвыкшій отъ мысли играть какую-нибудь роль за границами своего заколдованнаго царства, подъ вліяніемъ новыхъ союзниковъ вспоминаетъ о своей забытой власти, понемногу входитъ во вкусъ политики и заодно со своими взбунтовавшимися под-

данными начинаетъ интриговать противъ своего полномочнаго довѣреннаго. Онъ тоже давно забылъ, что этотъ довѣренный править въ сущности его именемъ и отъ его лица покоряетъ центральной власти феодаловъ. Онъ, такъ же какъ и они, начинаетъ видѣть въ немъ узурпатора, поработившаго и его такъ же, какъ ихъ.

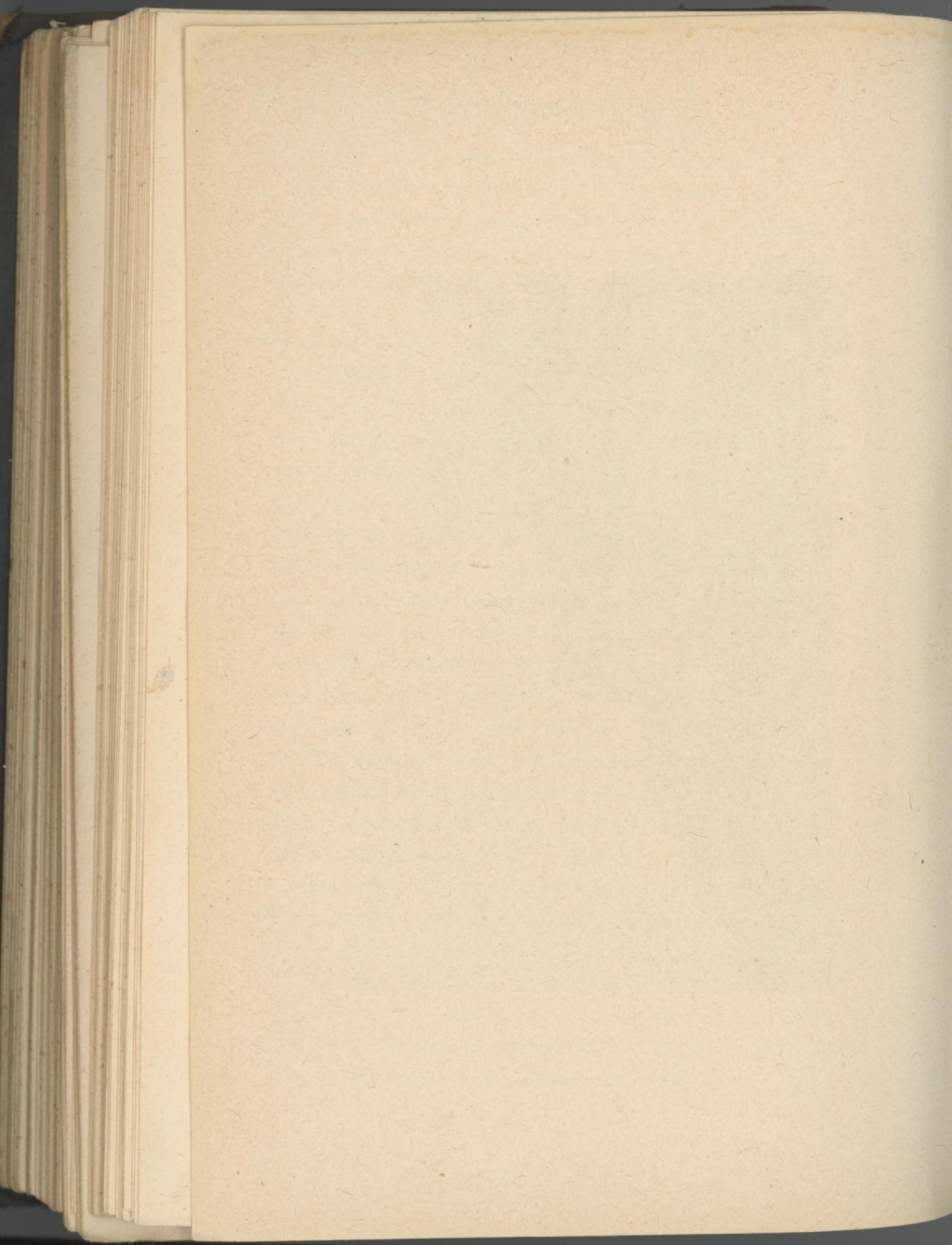
Недовольство, зародившееся въ Кіото, — не столько, можетъ быть, у самого микадо, сколько у его придворныхъ, пожелавшихъ на дѣлѣ проявить то значеніе, которое принадлежало имъ по рангу, наносить сильный ударъ шогуну. Онъ могъ бороться съ даймиюсами, чувствуя за собой опору верховной санкціи микадо. Теперь у него подрываютъ эту опору, и положеніе его сразу становится болѣе шаткимъ, хотя Кіото и не имѣетъ за собой никакой реальной силы. Дѣйствительно, получается двусмысленное положеніе. Шогунъ представитель верховной власти въ странѣ, а самъ носитель верховной власти, тотъ, отъ кого по идеѣ онъ ее получилъ, начинаетъ отказывать ему въ довѣріи. Конечно, это вначалѣ ничего не мѣняетъ въ соотношеніи силъ, такъ какъ реальная власть и всѣ ея органы попрежнему находятся въ рукахъ шогуна, но это очень облегчить со временемъ борьбу съ нимъ.

Органы эти, весь административный механизмъ былъ устроенъ именно съ тѣмъ расчетомъ, чтобы при помощи централизованной бюрократіи сосредоточить всю власть въ рукахъ шогуна.

Японія.

Старый Императорскій дворець въ Кіото.

И первое время своего существованія она исполняла свою роль ко благу обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, т.-е. она внесла несравненно больше порядка, благоустройства и законности въ жизнь населенія и явилась послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Но бюрократія — вездѣ бюрократія. Ея отрицательныя стороны скоро заслонили нѣкоторую долю пользы, принесенную ею вначалѣ. Не связанная никакими интересами съ мѣстнымъ населеніемъ, она стремилась только выжимать изъ него все, что возможно, не заботясь нисколько о поднятіи его благосостоянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она все разрасталась, дѣлопроизводство ея все усложнялось, все дальше удаляясь отъ реальныхъ нуждъ населенія и все больше превращаясь въ мертвую канцелярщину съ безконечнымъ бумагомараньемъ вмѣсто насущнаго дѣла. Стоимость ея содержанія тоже, конечно, постепенно возрастала и ложилась тяжелымъ бременемъ все на то же населеніе. Въ XVIII в. на жалованье чиновникамъ уходило болѣе $\frac{2}{3}$ всего государственнаго бюджета Японіи.

По мысли Іеязу всѣ правительственныя должности должны были замѣщаться исключительно личными вассалами шогунa, высшія—фудай-дайміосами, низшія—простыми самураями. Сдѣлано это было, конечно, для того, чтобы не передавать правительственныя функціи въ руки непокорныхъ дайміосовъ и ихъ вассаловъ и чтобы поручать ихъ людямъ, привыкшимъ къ личному повиновенію главѣ рода

Токугавы. При этомъ правительственные чиновники назначались и смѣщались по волѣ шогуну или соотвѣтствующихъ властей, поставленныхъ имъ же. Но съ теченіемъ времени это отличіе чиновниковъ отъ дайміосовъ, дѣлавшее ихъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, стало понемногу исчезать. Наслѣдственный характеръ всѣхъ вообще занятій сталъ распространяться и на чиновничьи функціи. Высшія должности — намѣстниковъ въ провинціяхъ и даиквановъ — стали сначала удерживаться пожизненно, а потомъ и переходить по наследству, т.-е., въ то время, какъ шогунъ старался превратить независимыхъ дайміосовъ въ своихъ намѣстниковъ, его собственные чиновники стремились превратиться въ самостоятельныхъ сатраповъ, доводя до минимума свою отвѣтственность передъ центральнымъ правительствомъ. Ихъ существенное отличіе отъ дайміосовъ заключалось въ томъ, что они не имѣли никакихъ правъ на землю управляемаго ими населенія и не имѣли собственныхъ земельныхъ владѣній. Къ началу XIX в. эти высшіе чиновники, подражая и въ этомъ феодаламъ, мѣстами перестали даже лично исполнять свои функціи; они поручали ихъ довѣреннымъ, а сами предпочитали спокойно проживать въ Іедо или въ другихъ крупныхъ городахъ свои доходы, такъ что очень многія должности превратились просто въ почетныя наследственные синекуры. Усердно работали только низшіе чиновники. Но дѣла отъ этого не ускорялись, такъ какъ по всякому отвѣтственному вопросу

имъ приходилось сноситься со своимъ начальствомъ, а то обыкновенно не торопилось съ отвѣтомъ.

Прекрасную иллюстрацію японской бюрократіи этого времени можно найти въ книгѣ Головнина „Въ плѣну у японцевъ“. Въ 1811 г., какъ мы уже упоминали, русскій капитанъ Головнинъ былъ захваченъ въ плѣнъ японцами. Чуть не съ перваго момента японцы убѣдились, что захватъ его былъ въ сущности основанъ на недоразумѣніи, — капитанъ Головнинъ не имѣлъ никакихъ враждебныхъ намѣреній. Оставалось только отпустить его, что они въ концѣ концовъ и сдѣлали, совершенно добровольно, не причинивъ ему ни малѣйшаго зла. Но произошло это почти черезъ три года. Все это время было занято безконечной канцелярской волокитой. Дѣло его разсматривалось въ іерархическомъ порядкѣ всѣми властями, доходило до центрального правительства شوгуна и снова возвращалось на мѣсто для новой безконечной переписки. Впрочемъ, русскаго капитана эти порядки не особенно удивляли. Онъ относился къ нимъ съ философскимъ спокойствіемъ и, можетъ быть, благодаря этому, онъ далъ въ своей книгѣ безпристрастную и почти во всѣхъ частностяхъ правильную характеристику тогдашняго государственнаго строя Японіи ¹.

Такая бюрократія уже не могла быть твердой опорой для центральной власти. Государственный строй, казавшійся такимъ незыблемымъ два вѣка

¹ „Записки В. М. Головнина въ плѣну у японцевъ въ 1811, 1812 и 1813 гг.“ Спб. 1851 г.

назадъ, заколебался. Снова страна переживала двойкій—и экономическій, и политическій кризисъ. Но только положеніе теперь было несравненно сложнѣе, чѣмъ въ концѣ XVI вѣка. Тогда вся страна нуждалась въ одномъ—въ объединеніи и порядкѣ какой угодно цѣной. Цѣна оказалась дороже, но цѣль была достигнута. Теперь жизнь общества очень усложнилась, и потребности различныхъ группъ населенія нельзя уже было свести къ одному знаменателю. Недовольство существующимъ строемъ было общее, обусловливалось же оно совершенно различными причинами. Низшіе слои населенія, вся народная масса нуждалась въ расширеніи, въ личной и экономической свободѣ, а привилегированныя группы — и дайміосы, и гильдии — требовали возвращенія назадъ, — еще большихъ привилегій для еще большей эксплуатаціи того же самаго населенія. Но роль феодализма давно уже была сыграна, мечты феодаловъ заранѣе были обречены на гибель, и, помогая расшатывать полицейское правительство, они подготовляли вмѣстѣ съ нимъ и свою собственную окончательную гибель.

Конечно, далеко не все высшее сословіе было проникнуто такими ретроградными взглядами. Среди самураевъ, самой многочисленной и самой просвѣщенной части его, господствовало, въ общемъ, совершенно иное настроеніе. Положеніе самураевъ въ новыхъ общественныхъ условіяхъ совершенно измѣнилось. Во время расцвѣта феодализма саму-

раи составляли все тогдашнее общество—его силу, его цвѣтъ. Теперь, съ измѣненіемъ социальныхъ условій, и роль самураевъ измѣнилась. Самый смыслъ ихъ существованія исчезъ, а между тѣмъ форма осталась и постепенно наполнилась другимъ содержаніемъ. Прежде, это были воины, всегда носившіе два меча, постоянно готовые пустить ихъ въ ходъ и почти постоянно имѣвшіе къ тому случай. Теперь, мечи — знакъ благороднаго происхожденія—у нихъ остались, но законныхъ поводовъ пускать ихъ въ ходъ уже не было. Два вѣка въ странѣ царилъ миръ. Постоянныя военныя упражненія, наполнявшія прежде ихъ досуги въ промежуткахъ между походами, теперь потеряли свой смыслъ и постепенно отходили въ область прошлаго. Заниматься какимъ-нибудь производительнымъ трудомъ—промышленностью, торговлей—для нихъ попрежнему считалось унижительнымъ, да и гильдейская организація и той, и другой не давала имъ туда доступа. Нѣкоторая, небольшая часть ихъ, какъ мы уже упоминали выше, прежніе вассалы дайміосовъ, осѣла на своихъ участкахъ и превратилась въ помѣщиковъ. Большинство считалось на службѣ у дайміосовъ и у шогуна, составляло ихъ войска и получало отъ нихъ жалованье рисомъ. Жалованья этого имъ обыкновенно не хватало, такъ какъ платить много дайміосы не могли, а благородное званіе обязывало къ извѣстнымъ расходамъ, и потому самураи были по большей части въ такомъ же долгу у купцовъ, какъ и сами дайміосы. На-

конецъ, многіе изъ самураевъ теряли и эту прицѣпку къ жизни. Дайміосамъ не было никакой надобности, да не было и возможности увеличивать свои войска, и безъ того ихъ содержаніе обременяло ихъ неблестящіе финансы. Между тѣмъ, естественный приростъ населенія происходилъ и въ средѣ самураевъ, и опять младшіе сыновья оказывались за бортомъ. Они уходили изъ своихъ мѣстъ и тоже искали себѣ пропитанія. Прежде они шли, главнымъ образомъ, въ буддійскіе монастыри и дѣлались монахами, теперь они шли въ города и дѣлались учителями, врачами, писателями, учеными. Но и жившіе по своимъ провинціямъ самураи, не имѣвшіе въ сущности никакихъ обязательныхъ занятій, тоже мало-по-малу принялись за книгу. Это было единственное занятіе, которымъ они, не унижая себя, могли наполнять свои невольные досуги. Громадное большинство, почти всѣ литераторы и ученые, которыми такъ богаты XVIII и XIX вв. въ Японіи, происходили изъ среды самураевъ. И изъ этой же среды возникла первая сознательная оппозиція существующему строю. Изъ военной аристократіи, поддерживавшей феодальный строй, самураи постепенно превратились въ самый просвѣщенный и самый прогрессивный въ массѣ слой населенія—интеллигенцію страны, взявшую на себя починъ борьбы съ полицейскимъ государствомъ.

Сознательнѣе, чѣмъ кто-либо, относились эти лучшіе изъ самураевъ къ переживаемому моменту. Они видѣли бѣдствія разореннаго народа, его уни-

зительное безправіе и горячо сострадали ему; они видѣли экономическія неурядицы, грозившія разорить страну; они видѣли слабость правительства и разрозненность общества, грозившія, въ случаѣ перваго столкновенія, предать родину въ руки болѣе сильнаго непріятели, и въ нихъ пробуждался горячій и отважный патріотизмъ; они чувствовали на себѣ оскорбительный гнетъ полицейски-шпіонскаго режима, и въ нихъ загоралось возмущеніе и желаніе во что бы то ни стало найти выходъ.

Не весь, конечно, классъ самураевъ былъ охваченъ подобными мыслями. Правильнѣе, пожалуй, даже будетъ сказать, что въ массѣ онѣ едва только зарождались, а были, конечно, среди самураевъ и такіе, которые совсѣмъ не задавались подобными вопросами, тупо довольствуясь настоящимъ. Изъ нихъ впослѣдствіи вышли приверженцы реакціонныхъ дайміосовъ. Но рядомъ съ ними тутъ и тамъ работала свободная мысль, стремясь найти способы помочь родинѣ.
